

Введение въ церковную археологію.

(Изъ лекцій † проф. А. П. Голубцова).

I.

Положеніе археологіи въ русскомъ обществѣ, школѣ и среди сред ныхъ ей специальностей. Возраженія противъ научной состоятельности археологіи и ихъ разборъ. Понятіе объ археологическомъ памятникѣ.— Определеніе предмета церковной археологіи. Связь съ послѣднею литургики; замѣчанія объ отношеніи древне-христіанскаго быта къ церковно-обрядовымъ формамъ. Какъ понимаютъ науку церковныхъ древностей на Западѣ? Вспомогательныя научныя отрасли церковной археологіи; значеніе для разработки ея классической археологіи и исторіи. Задача церковной археологіи.

При изложеніи каждой науки, обязательны нѣкоторыя предварительныя объясненія и соображенія. Цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы показать, чего можно ожидать отъ науки, и на какіе вопросы она даетъ отвѣтъ. Я не скрою слабыхъ, скажу болѣе, непривлекательныхъ сторонъ своей специальности,—точно такъ же, какъ не пройду советѣмъ молчаніемъ и того, чѣмъ, по моему убѣжденію, она заслуживаетъ право на вниманіе не только ученаго специалиста, но и каждаго образованнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ мнѣ предстоитъ щекотливая задача на первый же разъ развернуть казовый копецъ нашей науки и произнести послѣднее слово, къ которому пришла она послѣ упорныхъ и кропотливыхъ, удачныхъ, но еще чаще неудачныхъ работъ своихъ многочисленныхъ и иногда самоотверженныхъ труженниковъ. Въ общемъ вступительномъ очеркѣ каждая наука представляется болѣе или менѣе привлекательною: послѣдніе выводы,

великія научныя открытія и громкія имена ученыхъ способны озадачить и привлечь вниманіе всякаго, вступающаго въ невѣдомую область знанія, гдѣ передъ его глазами памятно собраны бывають наиболѣе цѣбныя и выдающіяся вещи. Впечатлѣніе оиѣ выноситъ довольно сильное, но жестоко ошпыся бы тотъ, кто подумалъ бы, что при внимательномъ изученіи этой новой отрасли знанія ему прійдется часто любоваться красивыми видами и имѣть обращеніе только съ этою лицевою стороною дѣла. Если оиѣ дилетантъ, оиѣ остановится предъ этой внѣшностью и далѣе ея не поидеть; но если кто захочетъ узнать дѣло обстоятельно и отдать себѣ ясный отчетъ въ видѣнномъ, тому прійдется отказаться отъ красивыхъ видовъ и взглянуть на обратную сторону медали. Но вѣдь хорошо извѣстно, что эта сторона не очень привлекательна, что изнанка не всегда бываетъ красива, хотя по ней-то собственно и узнается работа ткача и доброта матеріала. Церковная археологія, бытъ можетъ, болѣе, чѣмъ какая-либо другая наука, обладаетъ незавиднымъ свойствомъ отталкивать отъ себя сухостію своего содержанія и отсутствіемъ жизненнаго интереса.

Въ ряду многочисленныхъ отраслей исторической науки она одна изъ самыхъ старыхъ по матеріалу, которымъ занимается, и едва ли не самая молодая по времени своего появленія на свѣтъ, по степени обработки и систематизаціи. Можетъ быть, благодаря этой отсталости она не успѣла еще занять настоящаго положенія въ ряду сродныхъ ей спеціальностей и не нашла себѣ должной оцѣнки въ школѣ и обществѣ. Ни въ какой научной области контрастъ между серьезнымъ пониманіемъ и ходячими представленіями не достигаетъ такихъ крупныхъ размѣровъ, какъ въ наукѣ древностей. Въ то время какъ спеціалисты, вълѣдствіе очень понятнаго психологическаго процесса, преувеличиваютъ значеніе предмета своихъ занятій и готовы въ археологіи находить рѣшеніе чуть ли не всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей челоуѣка, другіе, напротивъ, съ понятіемъ археологіи продолжаютъ соединять представленіе о такомъ знаніи, которое не имѣетъ подъ собою надлежащей почвы, теряется въ мелочахъ и занимается вопросами, ни къ чему не ведущими. Разумѣя подъ матеріалами археологіи разныя обломки, обрывки и всякаго рода старье, оиѣ

считаютъ занятіе этимъ предметомъ забавою празднаго любопытства и много-много ученою роскошью. Судить о томъ, что можетъ сдѣлать въ будущемъ наука древностей, еще не пришло время—это можно угадывать, но не рѣшать; можно оснаивать введеніе этого предмета въ курсъ нашей ередней школы, но едва ли возможно уже теперь сомнѣваться въ справедливости мысли, что этой еще сравнительно молодой отрасли знанія предстоить завидная будущность, когда въ ея распоряженіе поступитъ болѣе обширный вещественный матеріалъ, а главное—будутъ выработаны строгіе приемы или методы для оцѣнки этого матеріала и для заключеній объ его исторической цѣнности.

Въ то время, какъ другія науки уже привели въ извѣстность находящійся въ ихъ распоряженіи матеріалъ, археологія все еще его собираетъ и успѣла собрать далеко не все, что можно и нужно для приведенія въ извѣстность своихъ средствъ и для опредѣленія границъ своихъ изслѣдованій. Но нѣкоторымъ отдѣламъ она ходитъ еще ощушь и покуда не имѣетъ возможности выбраться на прямую и торную дорогу. Недостатокъ строго выработаннаго метода и точныхъ критеріевъ для научной оцѣнки уже имѣющихся данныхъ составляетъ большое мѣсто современной археологін, является мишенью для всевозможныхъ нападокъ на археологію со стороны ея научной состоятельности. Нападки эти дѣйствительно сильны, но археологія можетъ принять ихъ на себя только отчасти. Значительная доля этой несостоятельности должна пасть на слабое развитіе нѣкоторыхъ отраслей исторической науки, напр., этнографін, палеонтологін, палеографін, народной психологін и даже лингвистики. Чтобы представить дѣло нагляднѣе, укажу нѣсколько примѣровъ изъ общей археологін. До сихъ поръ, напримѣръ, не выработано вполнѣ положительнаго критерія для опредѣленія стили первобытныхъ украшеній на посудѣ и костяныхъ орудіяхъ древнѣйшаго періода человеческой жизни, не классифицированы эти признаки по эпохамъ и племенамъ, и такимъ образомъ наука довольствуется выводами приближительными и заключеніями предположительными. Не выяснены даже вполнѣ особенности, отличающія искусство и ремесла у народовъ историческихъ, между тѣмъ какъ каждое племя, каждый народъ кладетъ особенную печать на

свои издѣлія и на свои бытъ, согласно своему вкусу, а заимствованное у другихъ видоизмѣняетъ.

Поверхностиѣ возраженія, направляемая на археологію со стороны матеріала, который подлежитъ ея изученію. Говорятъ, что черепки, кости, куски заржавленнаго металла, остатки древнихъ зданій и надаранная неизвѣстно кѣмъ и для чего надписи—не научный матеріалъ, что наука древностей занимается пустяками и не имѣетъ ничего общаго съ серьезнымъ знаніемъ. Подобное сужденіе основывается на недоразумѣніи и есть результатъ неяснаго представленія объ археологическомъ памятникѣ и неумѣлаго къ нему отношенія. Но такъ какъ на этотъ счетъ строгое понятіе еще не установилось, а между тѣмъ безъ него невозможна систематическая постановка археологіи, какъ науки, то я и сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о томъ, что нужно разумѣть подъ археологическимъ памятникомъ, и всѣ ли вещественныя остатки древности имѣютъ право на это названіе.

Въ отношеніи предметовъ древности существуютъ двѣ крайности, весьма невыгодно отзывающіяся на наукѣ. Одни перецѣниваютъ ихъ, другіе не доцѣниваютъ. Положимъ, мы нашли кусокъ мозаики или обломокъ стариннаго сосуда. Ультра-археологъ, котораго мы назвали перецѣнщикомъ, безъ дальнихъ околичностей сохранивъ эту находку, перенесетъ въ свою домашнюю коллекцію и, если онъ человѣкъ богатый, помѣститъ подъ витриной. Послѣдній—недоцѣнщикъ—не обратитъ на этотъ фрагментъ никакого вниманія, потому что, по его представленію, археологическій памятникъ есть ичѣто цѣльное, характерное, образцовое. И тотъ и другой неправы передъ наукою. Первый вноситъ въ нее приемы старьевщика и отождествляетъ археологическій предметъ съ рѣдкостію; послѣдній примѣняетъ къ оцѣнкѣ памятника масштабъ не научный, придавая значеніе только предметамъ монументальнымъ и хорошо сохранившимся. Держась такого односторонняго представленія, онъ суживаетъ въ ущербъ наукѣ объемъ матеріала, подлежащаго ея оцѣнкѣ. Гдѣ же правда и научное отношеніе къ предмету? Укажу здѣсь нѣсколько признаковъ, которые существенно необходимы для характеристики археологическаго памятника для выдѣленія и отличенія послѣдняго отъ того, что называется находкою и антикварнымъ предметомъ.

Чтобы быть памятникомъ археологическимъ, предметъ долженъ служить нагляднымъ изображеніемъ древняго быта или характеризовать воззрѣнія извѣстнаго времени. Онъ долженъ носить на себѣ печать эпохи, господствующаго въ ней вкуса и понятій. Угадать эти черты—это уже другой вопросъ, рѣшеніе котораго будетъ зависѣть не отъ качества матеріала, а отъ подготовки и умѣнья пѣлителя. При отсутствіи исторической характерности предметъ долженъ носить по крайней мѣрѣ отпечатокъ личныхъ отношеній,—пусть это будутъ даже индивидуальныя черты, положенныя на него лицомъ, которое его сдѣлало или имъ владѣло. Мы, напримѣръ, имѣемъ много колець и печатей отъ византійской эпохи. Одни изъ этихъ предметовъ могутъ служить образчиками тогдашняго мастерства, другіе выражаютъ суетвѣрныя понятія того времени и употреблялись какъ филиактеріи и амулеты, третьи разъясняютъ исторію византійскихъ святыхъ. Это сторона общая. Но вотъ г. Детье находитъ въ Константинополѣ и описываетъ перстень съ печатью Іоанна Каппадокійца, извѣстнаго дѣятеля и сотрудника имп. Юстиніана. Въ общемъ—кольцо не даетъ ничего новаго сравнительно съ другими извѣстными кольцами, но по имени владѣтеля, по личнымъ условіямъ, оно пріобрѣтаетъ значеніе памятника. Къ этому же роду типичныхъ признаковъ относятся и приписки въ рукописяхъ. Онѣ опредѣляютъ время происхожденія манускрипта, имя штеца и владѣтеля; говорятъ о назначеніи рукописи: предназначалась ли она для личнаго употребленія, или для вклада въ перковь на поминъ души, или для пополненія бібліотеки. То же лужно замѣтить объ имени живописца на иконѣ и мастера на другихъ предметахъ утвари.

Въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о предметахъ мелкихъ, сохранившихся не вполне, пострадавшихъ отъ времени и представляющихъ изъ себя въ собственномъ смыслѣ обломки и случайные обрывки древнихъ предметовъ, однимъ изъ существенныхъ условій научнаго значенія подобныхъ остатковъ служитъ опредѣленіе условій изъ находенія, отношеніе къ другимъ вмѣстѣ съ ними найденнымъ (если таковыя находились) и сравненіе съ однородными предметами, уже извѣстными и оцѣненными въ наукѣ. Такимъ образомъ старинный желѣзный гвоздь, найденный

гдѣ-нибудь случайно, не можетъ привести ни къ какому научному выводу и не можетъ считаться археологическимъ памятникомъ: но если тотъ же самый гвоздь найденъ въ древней могилѣ, онъ указываетъ уже ея происхожденіе изъ эпохи такъ называемаго желѣзнаго вѣка и въ свою очередь проясняется другими предметами могильнаго инвентаря со стороны своего бытового значенія. Въ этихъ условіяхъ онъ остается только желѣзнымъ гвоздемъ и научнаго значенія не имѣетъ. Точно такъ же и отвалившійся кусокъ штукатурки со слѣдами живописи не имѣетъ самъ по себѣ археологическаго значенія, если неизвѣстно, на какомъ мѣстѣ и при какихъ условіяхъ онъ найденъ, къ какому роду относится по характеру живописи. При отсутствіи этихъ условій онъ теряетъ право на признаніе его археологическимъ памятникомъ и можетъ попасть подъ витрину антикварія, какъ раритетъ или любопытный предметъ, но не больше. Слѣдуетъ имѣть въ виду и степень сохранности памятника. Сколько древнихъ надписей дошло до насъ въ такомъ поврежденномъ видѣ, что онѣ не только не могутъ быть удовлетворительно прочтены и объяснены, но даже ихъ смыслъ и палеографическіе признаки остаются совершенно неразгаданными.

Разъяснивъ такимъ образомъ, что не всякій предметъ старинны имѣетъ право считаться археологическимъ памятникомъ, мы должны прибавить въ заключеніе, что это значеніе они удерживаютъ или теряютъ не столько отъ собственной маловажности, сколько благодаря отсутствію тѣхъ условій, при которыхъ и самые незначительные остатки старинны становятся надежнымъ матеріаломъ и могутъ привести къ историческимъ заключеніямъ. Благодаря невниманію къ этимъ признакамъ археологовъ стараго времени, наука древностей потеряла немало весьма цѣннаго матеріала и потеряла не отъ нечестивенія памятниковъ,—нѣтъ, лучшие было бы, если бы они и доселѣ не являлись на свѣтъ Божій,—а оттого, что добывали ихъ неумѣлою рукою, отрывая отъ окружающей обстановки, съ которой они стояли въ тѣсномъ родствѣ и отъ которой получали извѣстный свой смыслъ и освѣщеніе. Подобные предметы потеряны для науки, а что еще хуже, даютъ поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Такъ, напримѣръ, перемѣщеніе костей и слѣды на нихъ

отъ грызуновъ въ могиллахъ повели къ созданію людодѣства въ такихъ мѣстахъ, гдѣ его не было. Недоразумѣніе произошло отъ невниманія къ условіямъ первоначальнаго положенія этихъ остатковъ и поверхностнаго ихъ анализа.

Третій упрекъ, который дѣлають археологи, относится къ мелочности и узкости ея работъ, къ разбросанности ея матеріаловъ и отсутствію въ археологіи широкихъ обобщеній. „Ограничиваться изученіемъ деталей, разрабатывать матеріальную сторону вещественнаго памятника, расплываться въ этомъ разобраніи—задача слишкомъ питчожная“, говорятъ, „для науки и едва ли оправдываетъ тѣ усилія, которыхъ требуетъ изученіе археологическихъ памятниковъ“. Въ исторіи почти каждой науки была пора, когда она занималась частностями и мелочами, изучала отдѣльные факты и терялась въ подробностяхъ, не всегда отдавая себѣ ясный отчетъ въ томъ, къ чему приведетъ вся эта предварительная работа, и какое зданіе сложится изъ этихъ разрозненныхъ, случайно попадавшихъ подъ руку матеріаловъ. Археологія долге другихъ держалась и держится на почвѣ этого кропотливаго труда, копаясь въ землѣ, собирая обломки, роясь въ пыли библіотекъ и читая по складамъ старинныя надписи и фоліанты. Трудолюбивый изслѣдователь, которому теперешняя наука обязана своимъ фундаментомъ, имѣть передъ глазами кучу разбросаннаго, гдѣ пошло, матеріала, разбирать и приводить его въ порядокъ и мало-по-малу доходить до его историческаго значенія. Съ этой поры началась уже классификація разбросаннаго матеріала, и изъ кучи обломковъ сталъ собираться музей, въ которомъ каждая вещь нашла свое мѣсто въ составѣ дѣлаго согласно съ хронологическими и историческими условіями ея происхожденія. Въ этомъ уже обработанномъ видѣ археологическіе памятники подлежатъ теперь нашему изученію. Мы имѣемъ дѣло не съ обломками, Богъ вѣсть откуда къ намъ попавшими, не съ массою фрагментовъ сомнительнаго достоинства, не съ знаками непонятныхъ алфавитовъ, пацарапанными неизвѣстно кѣмъ и для чего, не съ обрывками стараго костюма, не съ диковишками и рѣдкостями, но съ историческими памятниками, какъ съ представителями древняго быта человѣчества. Мы руководимся выборомъ, мы изучаемъ историческій фактъ. У

насъ есть уже цѣль положительная. Относясь подобнымъ образомъ къ дѣлу, мы равно далеки и отъ поверхностнаго дилетантизма, который въ археологическомъ матеріалѣ видитъ коллекцію старинныхъ диковинокъ, и отъ узкаго спеціализма, который смѣшиваетъ мелкое и крупное, неважное и важное, цѣнитъ фактъ для факта и не заходитъ далѣе его одиночнаго значенія.

Къ счастью, для нашей науки проходитъ эта схоластическая пора, и живая историческая мысль начинаетъ связывать и пропихать изученіе мертвыхъ и живыхъ памятниковъ древности. Но „мертвые и живые“—понятіе относительное. Это—выраженія, которыя отъ частаго употребленія стѣлались стереотипными, но которыхъ смыслъ далеко не такъ ясенъ, какъ того требовала бы санкція ихъ долговременнаго употребленія. Памятникъ отдаленнаго прошедшаго мертвъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не поняли его значенія въ исторической жизни; онъ живъ до тѣхъ поръ, пока не выучились понимать его языкъ, не прислушались къ его говору о томъ далекомъ прошломъ, отъ котораго онъ уцѣлѣлъ до насъ. И если бы можно было собрать во едино этихъ неподкупныхъ свидѣтелей давно минувшаго и прислушаться къ тому, что говоритъ чрезъ нихъ прошедшая жизнь человѣчества, тогда предъ нами повторилась бы его прошлая судьба, предстали бы интересы и задачи нашихъ отдаленныхъ предковъ.—Палеонтологъ, изучая строеніе и функціи какаго-либо ископаемаго организма, геологъ, анализируя составъ и особенности различныхъ формаций, трудятся въ той же области и для тѣхъ же цѣлей, что и археологъ. Какъ для первыхъ задача простирается гораздо далѣе изученія той или другой окаменѣлости, организма, той или другой формации, а центръ тяготѣнія ихъ работъ лежатъ въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ приводитъ изученіе формъ ископаемаго міра, такъ и для археолога не пергаментъ стараго фолианта имѣетъ цѣнность, не остатокъ разрушеннаго зданія самъ по себѣ драгоценная находка, а тѣ историческія и бытовія отношенія, которыя уясняются по монументальнымъ остаткамъ прежняго. Объяснимъ это нагляднѣе. Археологъ, разрывая курганъ, открываетъ подъ насыпью могильный склепъ и въ немъ скелеты покойниковъ, какъ они лежали, можетъ быть, цѣлыя сотни лѣтъ, а около нихъ разныя вещи изъ

домашняго обихода: сосуды, оружіе и металлическія принадлежности костюма. Но этимъ остаткамъ онъ воскрешаетъ бытовую жизнь могильнаго племени, давно уже исчезнушаго съ лица земли, воспроизводитъ обряды погребенія, угадываетъ его представленія о загробной жизни и дѣлаетъ много другихъ заключеній объ исторической судьбѣ обитателей этого некрополя. Часто одна какая-нибудь надпись открываетъ изъ мнѣвшей жизни народовъ такія подробности, о которыхъ молчитъ преданіе и забыла народная память. Сколько, напримѣръ, свѣта пролито было въ свое время въ Египетскую древность, когда Шампольонъ нашелъ ключъ къ чтенію іероглифовъ, и разобрано было клинообразное письмо Ассирійцевъ! Какъ увеличались свѣдѣнія о жизни древнихъ Египтянъ и Римлянъ послѣ изслѣдованій Лепсіуса и раскопокъ на мѣстѣ древней Помпеи! Не буду говорить о крупномъ научномъ значеніи послѣдующихъ открытій Смита въ Ассиріи и Шлимана на мѣстѣ древней Трои и Микенъ и весьма—весьма многихъ другихъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Эти пріобрѣтенія елишкомъ вѣски для того, чтобы оцѣнить ихъ значеніе въ нѣсколькихъ общихъ фразахъ. Переходя къ временамъ болѣе близкимъ, мы видимъ, что благодаря эпитафійкѣ разъяснилось многое изъ древнѣйшей исторіи христіанства. Доказано, напримѣръ, что нѣкоторые члены римской императорской семьи въ II и III вв. уже исповѣдывали христіанство, а продолжающаяся и до сихъ поръ разработка катакомбъ привела ко многимъ выводамъ, совершенно измѣняющимъ историческія воззрѣнія, основанныя на разсказахъ церковнаго историка Евсевія и другихъ письменныхъ памятникахъ. Таково, по нашему мнѣнію, истинное значеніе археологическаго памятника и таково должно быть научное отношеніе къ нему.

Представляется вопросъ: какого же рода памятники подлежатъ нашему изученію? Все то, что носитъ на себѣ слѣды древности, свидѣтельствующіе о той или другой сторонѣ древняго быта, подлежитъ вѣдѣнію археологій въ широкомъ смыслѣ этого слова. Могильный курганъ съ его содержимымъ, древнія утвари и одежды, монеты и медали, памятники водчества, живописи и вазины—все это и многое другое входитъ въ понятіе археологій. Но самое названіе нашего предмета—*церковная археологія*—даетъ уже первый общій

признакъ для спеціализаціи обширнаго и разнообразнаго археологическаго матеріала, подлежащаго изученію науки древностей, и опредѣляетъ кругъ нашихъ непосредственныхъ занятій. Но на счетъ этого названія нужно еще договориться и разъяснить, въ какомъ смыслѣ оно можетъ быть принято. Какъ и большая часть названій наукъ, оно условно и приобрѣло право гражданства своею стародавностію; на самомъ дѣлѣ, въ приложеніи къ нашей спеціальности, оно очень широко, неопредѣленно и не даетъ яснаго представленія о дѣлѣ. Въ понятіе церковной археологіи ¹⁾ отправляясь отъ этого названія, входитъ все, что когда-либо существовало въ древней церкви, а теперь отчасти вышло изъ употребленія, отчасти еще существуетъ, но уже въ измѣненномъ видѣ. Такое широкое обозначеніе позволяетъ подводить подъ него все вообще формы, въ какихъ выражалась древне-христіанская жизнь: будутъ ли это формы вѣроученія и богослуженія, или каноническія постановленія, или отношенія бытовья. Но это было бы такое сложное содержаніе, для обозрѣнія котораго потребовалось бы изложеніе исторіи вѣроученія, церковнаго обряда, каноническаго права, что вовсе нейдетъ къ нашей спеціальности и для нашего изученія не обязательно. Поставленное въ такія широкія рамки, это названіе есть остатокъ прежняго пониманія, когда подъ археологіею въ греко-римскомъ мірѣ разумѣли собственно древнюю исторію, изображеніе событій и учрежденій отдаленнаго прошлаго. Въ первый разъ это слово было употреблено Платономъ въ его діалогѣ: *Гиппіасъ*, гдѣ словомъ *ἀρχαιολογία* онъ обозначаетъ разсказы о древнихъ народахъ, герояхъ, людяхъ и ихъ бытѣ, о томъ, какъ въ древности создавались города. Все эти разсказы о минувшихъ временахъ сокращенно (*συνληψθην*) называетъ онъ *ἀρχαιολογίας*. Понятно, что область церковной археологіи гораздо тѣнѣе не только что такового пониманія, но и опредѣленія ея въ смыслѣ науки *христіанскихъ* древностей. Не разбрасываясь по другимъ спеціальностямъ и не захватывая не принадлежащаго матеріала, церковный археологъ ближайшимъ образомъ имѣетъ дѣло съ двумя категоріями данныхъ, именно: съ формами церковнаго богослуженія (=культы) и отчасти

¹⁾ Какъ справедливо замѣчаетъ Герпке въ своемъ руководствѣ.

древне-христіанскаго быта. Въ понятіе церковнаго культа входятъ двѣ стороны: *литургическая*, то есть, различныя формы богослужебной обрядности въ ихъ историческомъ развитіи, и *мокументальная*—тѣ вещественныя средства, которыя составляютъ обстановку и матеріаль литургическихъ дѣйствій, то есть храмъ, какъ архитектурное цѣлое, со всѣми приспособленіями, относящимися къ богослуженію, церковная живопись, одежды, утварь и всё вообще вещественныя богослужебныя принадлежности. Задача первой части—изложить исторію церковнаго обряда; задача второй—представить исторію церковнаго искусства, по крайней мѣрѣ, въ его главнѣйшихъ отрасляхъ. Взятая вмѣстѣ эти части соотвѣтствуютъ тому, что на языкѣ классической археологін называется: *antiquitates religiosae*, древности религіозныя. Но кромѣ формъ богослуженія въ область церковной археологін, какъ я сказалъ, входитъ еще отчасти изученіе древне-христіанскаго быта. Подъ словомъ *бытъ* мы разумѣемъ внѣшнюю обстановку всеневной жизни, тѣ ея формы и обрядности, въ которыхъ выражаются потребности общезжитія, заботы о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, духъ общества и его міросозерпаніе. Объединяя въ своей программѣ формы церковно-литургической и бытовой жизни, я не ввожу, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, двухъ обособленныхъ категорій данныхъ, но беру двѣ стороны одного и того же явленія, связанныя другъ съ другомъ органически, имѣющія самыя близкія точки соприкосновенія. Справедливое вообще, это положеніе получаетъ особенную силу, когда рѣчь идетъ о первоначальномъ христіанскомъ обществѣ, гдѣ жизнь церковная или то, что теперь называютъ культомъ, не стояла совсѣмъ особнякомъ и не выдѣлялась черезчуръ изъ условій всеневнаго быта, но перѣдко отсюда брала свое начало и здѣсь коренилась, какъ на своей почвѣ. Если эти два главныя вопроса нашей науки перевести на языкъ общей археологін или, употребляя школьное выраженіе, *archeologia profana*, то они будутъ, пожалуй, соотвѣтствовать двумъ главнымъ отдѣламъ послѣдней: исторіи искусства и этнографіи. Не научно, конечно, выдѣлять памятники искусства изъ памятниковъ быта, потому что пограничная черта между ними неуловима, и переходъ отъ однихъ къ другимъ нельзя отдѣлнить демаркаціонною линіею. Но при-

пшмая это дѣленіе за остатокъ стараго понятія объ археологїи, какъ *объ исторїи искусства и притомъ искусства античнаго*, мы въ правѣ отнести въ эту часть памятники, монументальные, въ которыхъ высказались не будущія стремленія человека, а художественныя воззрѣнія и идеалы цѣлой эпохи и цѣлыхъ народовъ. Въ наукѣ церковныхъ древностей этому отдѣлу будетъ соответствовать исторія церковнаго искусства, выразившаяся въ монументальныхъ памятникахъ, имѣющихъ связь съ общею культурою человѣчества. Что же касается до этнографїи, задача которой состоитъ въ изученїи народнаго быта и его психологическихъ особенностей, то подъ эту категорїю отойдетъ другая часть нашей спеціальности—исторія церковнаго обряда и отчасти древне-христіанскаго быта.—Это послѣднее соображеніе мы разовьемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, а теперь сдѣлаемъ нѣсколько краткихъ объяснительныхъ замѣчаній объ отношенїи бытовыхъ формъ къ церковно-обрядовымъ.

Вопросъ о взаимномъ отношенїи богослуженія или культа, какъ говорятъ на западѣ, и быта до сихъ поръ не былъ предметомъ парочкаго, спеціальнаго изученія, сколько мнѣ извѣстно, и находился даже подъ вліяніемъ особыхъ доктринъ, пренятствовавшихъ его научной постановкѣ. Связь между этими явленіями или не понимали, или игнорировали, или даже искусственно разрывали. Подъ вліяніемъ ультра-религіозныхъ воззрѣній находили даже несомвѣстнымъ съ честью и достоинствомъ церковнаго обряда проводить какую-либо внутреннюю связь между нимъ и обычаями житейской практики. Въ церковномъ богослуженїи или культѣ склонны были видѣть скорбїи противодѣйствіе и отрицаніе формъ бытовыхъ, нежели какія бы то ни было родственныя стороны съ ними. Подобныхъ доводовъ нельзя назвать основательными ни съ точки зрѣнія церковной, ни съ точки зрѣнія исторической, и вотъ почему. Какъ церковныя, такъ и бытовые обряды имѣютъ свое основаніе и разъясненіе въ законахъ и формахъ общечеловѣческаго или мѣстнаго символическаго языка. Каждый литургическій обрядъ, какъ извѣстная богослужебная форма, представляетъ или одиночный символическій актъ, или цѣлый рядъ подобныхъ актовъ, выразителями которыхъ служатъ особыя движенія, особенныя священподѣйствія и извѣстная группировка вѣнни-

ныхъ знаковъ или вещественныхъ предметовъ. Такихъ органовъ или какъ бы факторовъ обряда очень много, но все они сводятся къ извѣстнымъ элементарнымъ дѣйствіямъ и приѣмамъ, которые лежатъ и въ основѣ обрядовъ бытовой жизни. Вѣрная вообще эта мысль получаетъ еще большую силу, когда мы возьмемъ во вниманіе не всеневную, будничную обстановку жизни, а тѣ ея формы, которыя складывались по поводу знаменательныхъ явленій ея и, какъ выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, были отличаемы тишичными обрядами. Соплтемся въ примѣръ на обычаи, наблюдавшіеся въ древности при рожденіи ребенка, при заключеніи брачныхъ союзовъ, при похоронныхъ церемоніяхъ и поминальныхъ обрядахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ жителѣвскій обрядъ пользовался въ главныхъ чертахъ тѣми же средствами, какія были приняты и въ церковномъ богослуженіи для выраженія соотвѣствующихъ идей. Только при этомъ никогда не нужно упускать изъ виду, что церковный обрядъ въ его установившемся, неподвижномъ строѣ сохраняетъ древнія, архаическія формы общечеловѣческой символики, а бытовой обрядъ постоянно мѣняется подъ вліяніемъ успѣховъ культуры, съ развитіемъ вкуса и жителѣвскихъ удобствъ. Поэтому было бы по меньшей мѣрѣ странно, если бы кому-либо вздумалось, напримѣръ, проводить параллель между жителѣвскимъ костюмомъ недавняго прошлаго и церковными одеждами; но другое дѣло, если взять для сравненія еврейскія одежды, греко-римскій костюмъ и его видоизмѣненіе въ Византіи: тогда эта параллель окажется необходимою и уяснить многое въ составѣ тенеречнаго нашего богослужебнаго облаченія. Молитвенные жесты христіанствъ, за исключеніемъ, разумѣется, крестнаго знаменія, столько же принадлежатъ христіанскому міру, сколько и до-христіанскому: столько же были употребительны въ жителѣвской практикѣ, сколько и въ христіанствѣ. Или, напримѣръ, круговое хожденіе—хороводъ, эмблема, на нашу взгляды, солнца и солнечнаго пути, съ незапамятныхъ временъ сдѣлалась выраженіемъ радости и веселья въ быту народномъ. Припомнимъ аналогическое явленіе и въ литургической практикѣ, въ обрядахъ обхожденія новокрещеннаго вокругъ купели, посвящаемыхъ въ іерархическія степени вокругъ престола, новобрачныхъ вокругъ анаоя, крестныхъ ходовъ вокругъ

храмовъ, городовъ и селеній. Внутреннему значенію этого обряда—символа радости духовной—соотвѣтствуетъ и литургическій языкъ. Въ самомъ дѣлѣ какимъ словомъ обозначается этотъ обрядъ кругообразнаго хожденія? словомъ *χορεύειν* (отъ *χορός* = хоръ, хороводъ, хороводный танецъ съ пѣніемъ), что значитъ: водить хороводы, плясать, веселиться, ликовать, и этимъ послѣднимъ словомъ переводится *χορεύω* въ извѣстномъ стихѣ, который поютъ при обхожденіи посвящаемыхъ, новобрачныхъ: *Исаіе ликуй*. Въ нашихъ старинныхъ требникахъ эта бытовая черта нашла себѣ мѣсто въ слѣдующемъ характерномъ выраженіи: *ходить около, узоколь*, а извѣстно, что *коло* въ старо-славянскомъ языкѣ означаетъ кругъ, колесо, кольцо, а по аналогіи съ круговымъ движеніемъ—и самый хороводъ. Такъ обрядъ специально церковный сводится къ простѣйшей основѣ, къ элементарному обряду, въ какомъ выражаетъ себя общечеловѣческое сознаніе. Употребленіе перстней и вѣнковъ во время брачныхъ церемоній, процессій съ зажженными свѣтильниками, куренія и разные виды цѣлованія во время службъ, устройство престола, основою для котораго послужилъ столъ, украшеніе храмовъ живописью и рѣзбой—откуда взялись всѣ эти литургическія подробности, чему онѣ обязаны своимъ значеніемъ, неотразимымъ вліяніемъ на чувство человѣка? Почему всѣ эти формы такъ близки и доступны всѣмъ, такъ много говорятъ нашему сердцу и сдѣлались воспитательнымъ орудіемъ въ рукахъ христіанской церкви? Ужъ конечно не потому, что онѣ придуманы, прикованы, но благодаря общей психологической основѣ, на которой держатся. Есть обряды, впрочемъ очень немногіе, имѣющіе, такъ сказать, универсальный, общечеловѣческій характеръ. Они не принадлежатъ одному какому-либо народу или опредѣленной мѣстности, не выработаны какою-либо отдѣльною религіозною сектою и не составляютъ принадлежности частнаго культа или богослуженія, но выражаютъ общечеловѣческое содержаніе и при томъ въ такой формѣ, которая вполнѣ отвѣчаетъ этому содержанію и ясно говоритъ сознанію различныхъ эпохъ и народностей. Такія всеобщія міровыя формы символикъ стоятъ выше религіознаго партикуляризма и берутъ начало изъ тѣхъ же источниковъ, къ которымъ обращается порой и христіанское религіозное міро-

созерцаніе. Вотъ почему рядомъ съ специфическими формами библейской символики древне-христіанское искусство заключаетъ въ себѣ нѣсколько и такихъ, которыя имѣли мѣсто въ античномъ искусствѣ и наблюдались въ домашней практикѣ греко-римскаго міра. Въ этихъ міровыхъ формахъ частное и индивидуальное исчезаетъ: онѣ не принимаются и не заимствуются, но составляютъ общее достояніе человѣчества и необходимый элементъ его духовной жизни. Разбирая съ этой стороны церковный обрядъ, мы найдемъ въ теперешнемъ его строѣ нѣсколько и такихъ подробностей, которыя общи ему съ бытовыми формами древняго міра и съ языкомъ общечеловѣческой символики. Поэтому историкъ церковнаго обряда никогда не долженъ упускать совершенно изъ вида этой важной стихіи въ развитіи богослуженія, а толкователь послѣдняго долженъ строго отличать внутреннюю его сторону отъ внешней. Отправляясь отъ послѣдней, ему предстоитъ задача выяснить сначала общечеловѣческой смыслъ той или другой церковно-обрядовой формы, а затѣмъ уже конкретный, специальный, выработанный церковной символикой.

Развиваемой мысли, повидимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что христіанская церковь перѣдко враждебно и отрицательно относилась къ обрядамъ бытовой жизни и старалась всѣми мѣрами искоренять ихъ. Но противъ самаго ядръ обряда, какъ известной формы, вооружалась въ этихъ случаяхъ церковь? Конечно, нѣтъ, а противъ тѣхъ идей, которыя проводникомъ служили обрядъ. Если идея обряда не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, или если она забыта и отжила свой вѣкъ, тогда и обрядъ становится безразличною формою, подъ которой можетъ укрыться самое разнообразное содержаніе. Такъ и бываетъ обыкновенно въ эпоху упадка народной жизни, когда стародавнія формы быта уже отжили свой вѣкъ и, потерявъ первоначальное значеніе, обратились въ мертвый обрядъ, которому слѣдуютъ по привычкѣ и для успокоенія совѣсти. Въ такомъ случаѣ обрядъ, какъ мертвая буква, или совершенно исчезаетъ изъ практики, или разлагается, и его разрозненные детали или подробности, принимая новыя сочетанія, входятъ въ составъ другихъ обрядовъ и образуютъ изъ себя новыя бытовыя формы. Эти послѣднія подвергаются той же участи, колеблясь и плавя-

нясь вмѣстѣ съ колебаніемъ народной жизни. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстный бытовой или культовой обрядъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны христіанства, онъ не былъ осуждаемъ на совершенное уничтоженіе, но нерѣдко только сглаживался и измѣнялся подѣ вліяніемъ церковныхъ учрежденій и въ этомъ переработанномъ видѣ приобреталъ право на дальнѣйшее существованіе. Въ такомъ случаѣ происходила или ассимиляція христіанскаго обряда съ бытовой практикой, или возникали какія-либо новыя учрежденія, въ которыхъ человѣкъ прежняго строя могъ найти замѣну или пополненіе своихъ старыхъ понятій. Исторія средневѣковой церкви представляетъ много примѣровъ этой примирительной практики. Такъ образовались мѣстные народные обычаи, въ которыхъ оказывалась значительная примѣсь суевѣрныхъ понятій, но которые тѣмъ не менѣе получили церковную переработку, стали въ связь съ церковными обрядами и получили объясненіе съ точки зрѣнія послѣднихъ. Въ области теоретической этому направленію соответствуетъ тотъ способъ объясненія древняго міра, по которому послѣдній является какъ бы предчувствіемъ христіанства, слабымъ подобіемъ его религіозныхъ идей. У насъ, напримѣръ, еще и до сихъ поръ держится по мѣстамъ обычаи отпралять поминки по умершемъ въ первые дни Ѳоминной недѣли. Этотъ чисто народный обычай получилъ названіе *радунницъ* и сопровождается подробностями, ведущими свое начало изъ языческой практики. Въ эти же дни справляется и церковное поминованіе, такъ какъ въ пасхальную недѣлю церковнаго поминованія—девятинъ и сорокоуста—по древнимъ уставамъ, не полагалось. Народный обычай примыкаетъ къ церковному, какъ дополнительная часть, какъ уступка стародавнему обряду, но не какъ самостоятельная часть съ своимъ специально-языческимъ характеромъ. Или, напримѣръ, въ средніе вѣка съ началомъ февраля мѣсяца совпадалъ языческій праздникъ очищенія, продолжавшійся нѣсколько дней и давшій этому мѣсяцу самое названіе: *februarius* отъ *februus*; *februare enim purgare dicimus quo mense lustrabatur civitas*. Въ противовѣсъ этому празднику папы установили въ день Срѣтенія совершать торжественную процессію съ зажженными свѣтильниками, обстановка которой была явно разсчитана на противодѣйствіе древне-римскому

празднику *lustrationis* и могла служить его замѣною. „Исходить съ литіей въ монастыря“ или церкви до часовъ и литургіи 2 февраля, въ день Срътенія, предписывается и нашимъ Тинникомъ.

На томъ же пути сближенія съ церковнымъ обрядомъ дѣйствовала и народная практика. Въ обществѣ, принявшемъ христіанство, но еще не успѣвшемъ усвоить его духа, происходитъ обыкновенно борьба между преданіями прошлаго и новыми религіозными идеями. Общій строй жизни еще продолжаетъ держаться на прежнихъ основахъ, но рядомъ съ нимъ складается другой порядокъ, подъ вліяніемъ церкви и ея учреждений. На первыхъ порахъ и въ сферахъ наиболѣе замкнутыхъ эти два строя встрѣчаются какъ двѣ враждебныя и одна другой противорѣчащія формы жизни, но затѣмъ острая борьба смягчается, народная жизнь ищетъ выхода изъ этого противорѣчія и старается найти между старымъ и новымъ какія-либо общія точки сближенія. Время и привычка постепенно сглаживаютъ контрастъ между ними снимаютъ со стараго болѣе рѣзкія, выдающіяся его черты, и въ этомъ смягченномъ видѣ прокладываютъ ему путь къ сближенію съ формами церковными. Осмысливая эти послѣднія все еще съ точки зрѣнія своихъ прежнихъ понятій, народъ, находящійся на этой ступени религіознаго сознанія, является двоувѣрнымъ. Онъ не только двоится между старымъ и новымъ порядкомъ жизни, между представленіями языческими и христіанскими, но старается приурочить послѣднія къ формамъ своего стародавняго быта, связать съ ними и въ этомъ видѣ сдѣлать болѣе доступными пониманію. Подъ вліяніемъ такого народнаго пониманія лица христіанскаго цикла являются съ атрибутами старинныхъ языческихъ боговъ. Такъ пророкъ Ілія въ народномъ пониманіи удержалъ нѣкоторыя черты сходства съ Перуномъ; почитаніе св. Пятницы или Петки осложнилось суевѣрными представленіями изъ народной мифологіи; праздникъ Іоанна Крестителя 24 іюня соединился съ представленіями и обрядами лѣтняго солнцестоянія; св. Власій замѣнилъ древняго Волоса. Въ исторіи народныхъ суевѣрій христіанскаго періода такихъ параллелей слишкомъ много для того, чтобы могло возникнуть сомнѣніе въ дѣйствительности такого *qui pro quo*: съ этими попытками осмыслить хри-

стѣпанскій обрядъ на народный ладъ приходится встрѣчаться чуть ли не на каждомъ шагу. Вотъ почему для изучающаго старинный бытъ народа христіанской эпохи, какой бы то ни было мѣстности и происхожденія, знакомство съ церковнымъ обрядомъ и его формами можетъ оказать очень важную услугу для пониманія самихъ этнографическихъ явленій и преимущественно для уясненія того пути, которымъ совершалось развитіе и обработка народнаго обряда съ его вышней стороны. Это особенно нужно сказать о той сторонѣ народнаго быта, которой обыкновенно отводятъ мѣсто подъ рубрикой: *народный дневникъ*, гдѣ записываются повѣрья, легенды, обычаи и обряды, приуроченные къ извѣстнымъ днямъ годичнаго круга; но годичный циклъ въ этой рубрицѣ расположенъ по церковному календарю и сама народная практика къ нему привязывается такъ или иначе свои любимыя стародавнія повѣрья. На этой переходной ступени своего развитія народный обрядъ получаетъ смѣшанный характеръ: съ одной стороны, онъ удерживаетъ черты своего примитивнаго типа, но, съ другой, принимаетъ въ себя многія подробности и элементы церковной практики. За примѣрами такого взаимодействія ходить не далѣко, и довольно обратить вниманіе на факты, отмѣчаемые въ нашихъ этнографическихъ сборникахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи 15-го января до недавняго сравнительно времени справляли праздникъ „одданія“. Одданіемъ, какъ объясняютъ это слово въ Трудахъ Этнографической экспедиціи, въ юго-западной Россіи называется волшебство, посредствомъ котораго колдунъ можетъ сдѣлать, что у человѣка заведутся во внутренности ящерицы и гады ¹⁾. Что за странное объясненіе, и какъ оно сложилось? Вѣроятно, такъ. Это повѣрье и самое названіе основываются на томъ, что 14 января въ уставѣ полагается отданіе праздника богоявленія, а такъ какъ съ крещеніемъ Спасителя, по церковному представленію, соединилось потребленіе ивѣздящихся въ водѣ змѣевъ и драконовъ, то очень вѣроятно, съ днемъ, когда этотъ праздникъ прекращается, съ одданіемъ, связалось повѣрье, что эти гады и змѣи опять приобрѣтаютъ силу. Это церковное представленіе оказало вліяніе и на самую иконографію, вызвавъ на мнѣша-

¹⁾ Труд. т. III, народн. дневникъ.

торахъ крещенія Христова фигуры драконовъ и чудовищъ подь водою. Въ лицевой псалтири Троицкой Лавры Симона Азарьина, 1634 года, замѣчательна въ этомъ отношеніи иллюстрація словъ псалма: *ты стерлъ еси главы змѣвъ въ водѣ, ты сокрушилъ еси главу змѣву* (Ис. LXXIII, 13). Относящаяся сюда миниатюра представляетъ Крещеніе Христово въ слѣдующемъ видѣ. На вершинѣ горы крестъ съ кошемъ, губкою и другими аксессуарами распятія, подь нимъ голова Адамова: слѣва выдается изъ облака погрудное изображение Бога Отца: изъ усть его длинный лучъ свѣта падаетъ на Христа; внизу подь водою представлены схематически два змѣя съ раздунтою частью и высунутыми остроконечными языками, между ними голова бѣса; по сторонамъ два ангела пронзаютъ его копьями (л. 96). Эта иконографическая подробность и ея объясненіе имѣють въ свою очередь основаніе въ словахъ молитвы при крещеніи: „Ты Іорданскія струи освятилъ еси, съ небесе ниспославый Святаго Твоего Духа, и главы тамо гнѣдящихся сокрушилъ еси змѣвъ“ (л. 34) ¹⁾. Въ связи съ этимъ объясняется и легенда о Каинѣ и о рукописаніи грѣховномъ въ той формѣ, какъ она изложена въ апокрифѣ, изданномъ покойнымъ Тихонравовымъ ²⁾. Двѣнадцать змѣвъ стерегли это рукописаніе на днѣ Іордана, но когда Христосъ пришелъ креститься на Іорданъ, тогда главы змѣвы стали въ струяхъ іорданскихъ противу Господа, и „сокруши змѣвы главы въ водѣ“.—Другой примѣръ подобнаго же синкретизма въ обрядѣ. На второй день праздника Рождества Христова византійскія женицны имѣли обыкновеніе приносить хлѣбы въ честь родившей Богородицы ³⁾. Основую служить праздникъ въ память родиль Богородицы, или *ἐπιλόχεια τῆς Θεοτόκου*, положенный 26 декабря въ нѣкоторыхъ греческихъ мѣсяцесловахъ (о немъ же между прочимъ говоритъ 79 правило Трульскаго собора).—Четвертокъ (Страстной недѣли называется чистымъ и утромъ въ этотъ день купаются, но извѣстно, что въ этотъ день воспоминается умовеніе Христомъ ногъ апостоловъ, и справляется подобный же обрядъ въ церкви.

¹⁾ *Σὲ τὴ Ἰορδάνειαι ἄβυσσος ἤρυσσας ὄφρανόθεν καταπέφυγας τὸ Ἅγιον Σοφ Πνεῦμα καὶ τὰς κεφαλὰς τῶν ἐκείσε ἐμδωλητότων ἀνετηρίων δρακότων.*—*Coar. Εὐχολ.* р. 352.

²⁾ Памятники отречевой литер. I, 16—17.

³⁾ [Въ тотъ же день на Руси праздновали Году и Рожаницамъ,—*Голубинскаго Исг. Р. Ц. I, 2², 855*].

Сводя къ общему итогу высказанныя соображенія, я прихожу къ тому заключенію, что между обрядомъ бытовымъ и церковнымъ всегда были болѣе или менѣе близкія точки соприкосновенія. Это взаимодѣйствіе было обоюдное: благодаря ему, народный бытъ оставилъ свои слѣды въ области церковнаго обряда, а церковный обрядъ въ свою очередь дѣйствовалъ на обработку и складъ народныхъ обычаевъ.

Мы опредѣлили нашу науку въ смыслѣ исторіи церковнаго культа и частію древне-христіанскаго быта. Строгіе археологи нашего времени расходятся съ принятымъ нами опредѣленіемъ въ томъ отношеніи, что источникомъ для науки древностей признаютъ только вещественные, монументальные матеріалы, а письменные памятники допускаютъ лишь въ самомъ ограниченномъ числѣ, насколько они нужны для пониманія и объясненія вещественныхъ данныхъ. Всею болѣе къ ихъ системѣ христіанской археологіи подходитъ понятіе исторіи христіанскаго искусства, но и оно подходитъ лишь отчасти по свойству матеріала и оказывается значительно уже по объему разрабатываемыхъ предметовъ. После проф. Шипера, обработавшаго этотъ вопросъ въ своемъ „Монументальномъ богословіи“, лучшимъ словомъ по этому предмету продолжаетъ служить монографія недавно умершаго Крауза, профессора церковной исторіи сначала въ Страсбургскомъ, а потомъ въ Фрейбургскомъ университетѣ, гдѣ онъ велъ и курсъ археологіи: „О задачахъ и объемѣ церковной археологіи“. Въ этомъ сочиненіи Краузъ пытается установить понятіе, содержаніе и объемъ церковной археологіи. Подъ его перомъ она является наукой очень разнообразнаго содержанія, въ составъ которой входятъ: 1) древности церковнаго управленія и права, 2) древности культа, 3) древности частной жизни, 4) древности искусства и 5) древности литературы и догматики. Всѣ эти отдѣлы, принадлежащіе разнороднымъ спеціальностямъ, связываются у него единствомъ обрабатываемаго матеріала. Но соединить на этомъ основаніи всѣ эти доктрины едва ли возможно, особенно при теперешнемъ состояніи монументальныхъ свѣдѣній, и во многихъ случаяхъ пришлось бы ограничиться лишь отрывочными данными, а не цѣлостнымъ научнымъ изложеніемъ каждой части. Поэтому болѣе практичныя и осторожныя систематики нашей науки ограничиваются лишь

тремя отдѣлами: 1) исторіей древне-христіанскаго искусства, къ которой присоединяются еще двѣ особыя отрасли—эпиграфика и нумизматика, 2) топографіей христіанскаго искусства и 3) методикою самой науки.

Впрочемъ при той или другой постановкѣ нашего предмета для обработки его требуются очень широкія вспомогательныя научныя средства, такъ что едва ли другая какая специальность нуждается въ такомъ множествѣ предварительныхъ знаній, какъ археологія. Многіе, правда, злоупотребляли и злоупотребляютъ этимъ названіемъ и считаютъ археологомъ вовсе не того, кого слѣдуетъ. Въ старину малограмотный коммерсантъ, закупившій у букинистовъ старыхъ книгъ и составившій коллекцію разныхъ диковинокъ, уже считался археологомъ; искатели матеріальной наживы, копатели кладовъ также имѣли притязаніе принадлежать къ дѣятелямъ на археологическомъ поприщѣ; да и теперь многіе любители рѣдкостей, не имѣя ни солиднаго образованія, ни ученой подготовки, слывуть подъ этимъ незаслуженнымъ именемъ, на самомъ же дѣлѣ мало чѣмъ отличающіеся отъ гробкопателей и старьевщиковъ. Археологъ долженъ быть лингвистъ, обладать солиднымъ знаніемъ исторіи вообще и культуры въ частности, а для церковнаго археолога необходимо еще специальное богословское образованіе и знаніе церковной литературы. Безъ этого условія объяснять археологическіи памятники—дѣло невозможное. Опредѣлить его значеніе въ культурной жизни, его связь съ тою или другою стороною церковнаго быта можно только при пособіи историческихъ и литературныхъ данныхъ, только съ помощію анализа и изученія тогдашней жизни и сохранившихся остатковъ. Копатели и собиратели нужны только какъ рабочая сила, какъ добывательный аппаратъ, да и тотъ можетъ достигнуть своей цѣли лишь при опытныхъ руководителяхъ. Лица, оставившія видный слѣдъ въ исторіи нашей науки, были разносторонними учеными и удивляли своею эрудиціей. Съ этимъ обширнымъ кабинетнымъ образованіемъ они соединяли еще настойчивость, трудолюбіе и способность къ продолжительному и упорному труду. Таковъ, напримеръ, былъ знаменитый Бозіо (род. около 1576 г.), слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ принявшійся за ученіе римскихъ катакомбъ. Въ Римѣ, въ бібліотекѣ Santa Maria della Vallicella,

сохранилась масса собственноручныхъ его замѣтокъ, извлеченій и трактатовъ, составляющихъ четыре большіе тома—болѣе, чѣмъ тысячу листовъ in folio. Изъ этой гигантской работы видно, что онъ перечиталъ едва ли не всѣхъ извѣстныхъ въ то время восточныхъ и западныхъ отцовъ церкви и писателей, былъ знакомъ съ соборными актами и постановленіями, со всею литературою житій святыхъ, съ церковными историками и богословами, и кромѣ того съ обширною литературою классиковъ и средневѣковыхъ путешественниковъ. Приступивъ къ дѣлу съ такими серьезными научными средствами, онъ въ 36 лѣтъ сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ его преемники чуть ли не въ продолженіе двухъ столѣтій. И вотъ причина, почему его изслѣдованія до сихъ поръ остаются трудомъ капитальнымъ и не теряютъ своей цѣны при темеренныхъ работахъ въ области катакомбъ, несмотря на то, что онъ ведется очень опытною рукою и при гораздо лучшихъ научныхъ и техническихъ условіяхъ.

Что касается нашихъ ближайшихъ, школьныхъ цѣлей, то здѣсь я ограничусь общимъ указаніемъ лишь на главныя вспомогательныя научныя отрасли: въ ряду этихъ послѣднихъ назову преимущественно классическую археологію и исторію. Христіанство возникло и развивалось на почвѣ античнаго міра, который ко времени его появленія достигъ высокой степени развитія особенно въ культурномъ и бытовомъ отношеніяхъ. Эти формы составили ту историческую среду, въ которой вращался современный христіанству греко-римскій міръ. Такимъ образомъ, почва, на которой происходило первоначальное развитіе христіанской жизни, была пропитана традиціями многовѣковой жизни античнаго міра, и едва ли не бóльшая часть этихъ элементовъ, и надобно сознаться, элементовъ, обладавшихъ особенною устойчивостью, относилась къ быту того времени и отчасти удержалась въ художественной и богослужебной жизни христіанства. Что бы ни говорили о дряхлости отживавшихъ своей вѣкъ учреждений и формъ античнаго міра, исторія опытомъ многихъ столѣтій разрушаетъ эту научную иллюзію. Оказывается, что новыя начала, внесенныя христіанствомъ, входили въ эту одряхлѣвшую жизнь путемъ кровавыхъ жертвъ и изумительныхъ усилій. Отъ этой сильной зависимости не была даже свободна эпоха начинавшагося торжества христіанства. Взгля-

нѣмъ ли на монеты Константиновой эпохи и цѣлаго ряда его преемниковъ, и мы увидимъ на лицевой сторонѣ этихъ монетъ рядомъ съ крестомъ и монограммой Христа языческой штемсель въ видѣ крылатаго гения, богини побѣды и другихъ античныхъ символовъ; спустимся ли изъ этой официальной сферы въ область житейскихъ отношеній, и мы увидимъ силу язычества въ массѣ бытовыхъ формъ, въ обычаяхъ и суевѣрїяхъ, съ которыми христіанскіе моралисты ведутъ постоянную борьбу въ V—VI и слѣд. вѣкахъ. При такой живучести языческихъ формъ жизни, какъ бы мы ни стали представлять отношеніе къ нимъ церкви—въ видѣ ли рѣзкаго протеста или болѣе снисходительнаго отношенія—все равно, *мы не поняли бы происхожденія и задачи многихъ христіанскихъ учреждений, если бы вздумали игнорировать обстановку, среди которой они возникли и сложились.* Хотимъ ли мы понять ходъ развитія церковнаго искусства въ области архитектуры и иконографіи, намъ нужно обратиться къ памятникамъ тогдашней античной живописи и зодчества. Какъ-такоембная живопись несетъ слѣды античныхъ образцовъ и стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми остатками классической живописи, которые сохранились въ Помпѣи и Римѣ. Христіанскіе храмы въ ихъ установившемся архитектурномъ типѣ ведутъ свое начало отъ римскихъ базиликъ и отсюда заимствовали мотивы для отдѣлки и украшеній. Церковныя одежды въ довольно значительной своей части были бы необъяснимы безъ знанія римскаго костюма того времени. Словомъ, *безъ археологій греко-римской археологія церковная стала бы книгой безъ начала, и эта потеря перваго листа изъ нея была бы не вознаградимой утратою для исторіи церковнаго быта и древне-христіанскихъ отношеній.* Пособіе классической археологій особенно чувствительно при разъясненіи вопросовъ, относящихся къ быту и древностямъ христіанскимъ за тотъ періодъ, когда историческая жизнь испытывала на себѣ вліяніе классическаго міра, и когда этотъ послѣдній жилъ и дѣйствовалъ, какъ твердое міровоззрѣніе и живой историческій факторъ. Первые пять-шесть столѣтій христіанской эры были окрашены этимъ античнымъ колоритомъ, и почти вся тогдашняя жизнь еще держалась на классической основѣ. Паденіе Рима подъ натискомъ пришлыхъ народовъ, выступленіе на историческую сцену германцевъ и

образованіе восточной римской имперіи или византійскаго міра даютъ новое направленіе тогдашней исторической жизни и пускаютъ въ ходъ такія формы искусства и такія отношенія въ быту церковномъ и житейскомъ, которыхъ не зналъ античный міръ, и которыя противорѣчили его основному строю. Теперь въ области церковнаго обряда и искусства постепенно начинаютъ сказываться разности между востокомъ и западомъ; онѣ принимаютъ съ теченіемъ времени рѣзко выраженную форму, и теперешній обрядъ нашей русской церкви есть уже отчасти результатъ этого обособленія. Вся наша церковность, наше богослуженіе, наши каноническія отношенія носятъ на себѣ печать византійской отдѣлки и извѣстны намъ больше не въ древне-христіанской, а въ этой тоже древней и не менѣе характерной формѣ. Такимъ образомъ, понять смыслъ теперешняго церковнаго обряда и опредѣлить характеръ существовавшаго у насъ нѣкогда искусства нельзя иначе, какъ въ связи съ церковною и отчасти политическою жизнію средневѣковой Греціи. Эта задача лежитъ на особенной обязанности нашей науки и составляетъ существенное отличіе ея постановки въ сравненіи съ западной школой. Тамъ изучаютъ церковныя древности главнымъ образомъ въ предѣлахъ обозначеннаго нами классическаго періода. Дальнѣйшую разработку предоставляютъ разнаго рода историческимъ отраслямъ. Не такъ долженъ смотрѣть на дѣло русскій церковный археологъ. Онъ обязанъ имѣть дѣло не съ перво-христіанскими только церковными древностями, но съ искусствомъ и богослуженіемъ еще и греческой церкви, которыя перенесли къ намъ вмѣстѣ съ вѣрою, развивались у насъ параллельно движенію обряда и искусства въ Византіи. Древне христіанское искусство и богослуженіе представляютъ первый шагъ и зачатки художественнаго и литургическаго движенія, и, зная только этотъ первый шагъ, мы слишкомъ мало поняли бы въ богослуженіи и церковномъ искусствѣ позднѣйшемъ. Такова въ главныхъ чертахъ задача нашей науки.

Соотвѣтствуютъ ли этой задачѣ наличныя средства, которыми располагаетъ наука церковныхъ древностей въ настоящее время, и какъ высокъ вообще уровень, до котораго поднялась она въ своемъ историческомъ развитіи?

(Продолженіе слѣдуетъ).